

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 141

В.А. Усольцев

Уральский государственный лесотехнический университет, г. Екатеринбург

**«АПОЛОГИЯ ПОЧВЕННОЧЕСТВА» АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЙ**

Содержание

1. Введение.....	56
2. Истоки и формирование концепции.....	57
3. «Органический взгляд» Аполлона Григорьева.....	58
4. «Органическая критика» Аполлона Григорьева.....	60
5. Критика А. Григорьевым принципа «исторического воззрения».....	63
6. Заключение.....	65

1. Введение

Анализируя проблемы глобализации, красноярский профессор Иван Алексеевич Пфаненштиль резюмирует (2012): «Американская глобальная политика нового мирового порядка явилась продолжением геостратегии нового мирового порядка нацистской Германии. Всё, что намечали руководители Третьего рейха, сегодня на практике пытаются осуществить США или те силы, которые за ними стоят; во-вторых, американская модель глобального управления и нового мирового порядка, основанного на либерально-демократических ценностях и навязываемая другим странам как единственно возможная, на самом деле несет человечеству неизбежные угрозы тоталитаризма (американизации), деградацию и обнищание целых регионов. Это тупиковый путь развития, ведущий цивилизацию к новым войнам и планетарной катастрофе» (с. 63).

Сегодня вопрос стоит так: либо планетарный «новый мировой порядок» под эгидой США, либо создание геополитической оппозиции и альтернативного блока «почвенных» народов и государств (Пфаненштиль, 2012), вариант которого А.В. Иванов с соавторами (2014) видят в евразийском духовно-экологическом содружестве. Случайно ли современное сближение таких «почвенных» государств, как Россия, Китай и Индия в ответ на беспрецедентное экономическое и идеологическое давление со стороны стран «золотого миллиарда»? Что означает термин «почвенничество» в контексте современной геополитики?

История этого понятия восходит в XIX столетие России, и наиболее яркое отражение идеология почвенничества нашла в трудах выдающегося мыслителя, поэта и литературного критика Аполлона Александровича Григорьева. Общеизвестно противостояние «славянофилов» и «западников» в XIX веке. Полтора столетия назад Аполлону Григорьеву удалось избежать крайностей как «славянофилов», так и «западников», поскольку его идеология почвенничества не признавала национальных границ. Большой знаток европейской литературы и искусства, он усматривал ростки этой идеологии в трудах ярчайших представителей не только русской, но и западной культуры, экстраполируя ее тем самым на всё человеческое сообщество.

Вот как А.А. Григорьев в 1861 году в журнале «Время» представляет эти две мировоззренческие крайности в среде русской интеллигенции XIX века, относя к западникам В. Белинского, П. Чаадаева, частично – Н. Карамзина и др., а к славянофилам – А. Хомякова, И. Киреевского, И. и К. Аксаковых, Ю. Венелина и др.:

«Западничество во имя своих готовых идеалов отрицало всякое значение жизни, прожитой нами до Петровской реформы; не зная этой жизни и даже чуть-чуть что не

хвастаясь своим незнанием, оно ругалось над нею при всяком удобном и неудобном случае, мерило нашу историю, предания, сказки, песни, нравственные понятия идеалами германо-романского мира и, не находя в нашем ничего подходящего к этим готовым идеалам, отворачивалось от всего нашего с омерзением.

Славянофильство, тоже мало зная жизнь народа из самой жизни, но зато глубоко знакомое с историей старой письменности и ловившее с благоговением всё записываемое, одним словом – изучавшее родной быт, постепенно доходило до теории, что наша жизнь совсем иная жизнь, совсем особенная, ничего общего с западной жизнью не имеющая, управляемая совершенно новыми, никем ещё не раскрытыми таинственными законами, особыми, новыми нравственными понятиями» (Григорьев, 2008. С. 450). Отношение славянофильства к реформам Петра один из его выдающихся представителей Константин Аксаков (1817-1860) выразил так (1964):

«Вся Русь, вся жизнь её доселе
Тобою презрена была,
И на твоём великом деле
Печать проклятия легла».

Впрочем, подобное отношение к реформам Петра сохраняет и сегодня российское православие в лице доктора богословия Алексея Ильича Осипова (2014): «Сколько зла принес он Церкви, духовному и нравственному состоянию нашего народа! А весь XVIII век что творили наши государи-помазанники?! Анна Иоанновна священника посадила на кол. Екатерина II уничтожила почти все монастыри...» (с. 15).

Но не всё здесь однозначно, и известный русский историк Сергей Фёдорович Платонов (1860-1933) утверждал: «...Допетровская Москва не была азиатски косным государством и действительно шла к реформе ещё до Петра, который сам воспринял идею реформы из окружавшей его московской среды» (Платонов, 1917. С. 26).

2. Истоки и формирование концепции

Большую роль в идеологическом становлении Аполлона Александровича сыграло его участие в новой редакции журнала «Москвитянин», примыкавшей к славянофилам и выступавшей за развитие самобытной русской культуры. Редакция объединяла талантливых писателей и общественных деятелей того времени, в произведениях которых было «откровение русской мощи, непроявленных, но могучих сил русской души». До этого увлекавшийся Шеллингом, А.А. Григорьев был внутренне связан с романтизмом, «с его ощущением глубины и таинственности в природе и человеке». Под влиянием «нового направления» редакции к его романтизму присоединилось «восстановление в душе новой, или, лучше сказать, обновлённой веры в грунт, в почву, в народ, - присоединилось воссоздание в уме и в сердце всего непосредственного». Этот проросший культ непосредственности сыграл решающую роль в культе почвенничества. С постепенным «отречением от искусственной и лживой внешней жизни открывалась её скрытая, но бесконечно глубокая непосредственность», которая «шире и полнее того, что из неё же извлечёт логическое сознание» (Зеньковский, 1948; 2008).

Именно в это время А. Григорьев становится «искателем Абсолюта», перед ним раскрылись «громadne миры, связанные целостью», сложилось видение «органической целостности» в бытии, и, наконец, у него проявляется религиозное чувство. Православие, которое становится дорогим А. Григорьеву, неотделимо для него от русской стихии (Зеньковский, 2008. С. 6).

Аполлон Александрович
Григорьев (1822-1864)

«Под Православием, - писал он, - я разумею стихийно-историческое начало, которому суждено жить и дать новые формы жизни». В то же время, религиозная сфера для А. Григорьева есть драгоценнейшая сторона реальности, её «аромат и цвет»: «Мы перестали верить, чтобы идеальное было нечто от жизни отвлечённое. Мы знаем все, ...что идея есть явление органическое, что она носится в воздухе, которым мы дышим, что она имеет силу, крепкую, как обоюдоострый меч. Всё идеальное есть не что иное, как аромат и цвет реального» (Григорьев, 2008.С. 97). Этот момент натурализма в его религиозном сознании был воспринят, по видимому, от Шеллинга, как и основные идеи об искусстве (Зеньковский, 2008. С. 6-7).

Фридрих Вильгельм
Йозеф фон Шеллинг
(1775-1854)

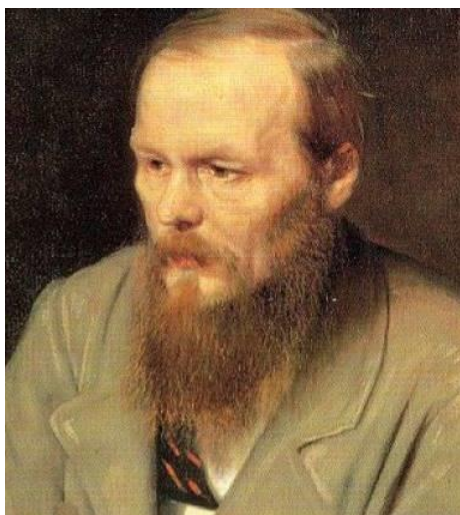
Георг Вильгельм
Фридрих Гегель
(1770-1831)

Переняв у Гегеля «вкус к философскому осмыслению мира в целом», А. Григорьев оставался чужд его «голо-логизму», уповая на таинство и приоритет «творческих, природных, жизненных сил»: «Для меня “жизнь” есть действительно нечто таинственное, т.е. потому таинственное, что она есть нечто неисчерпаемое, “бездна, поглощающая всякий конечный разум”, по выражению одной старой мистической книги,- необъятная ширь, в которой

нередко исчезает, как волна в океане, логический вывод какой-бы то ни было умной головы...» (Григорьев, 2008. С. 154). Отвергая рационализм Гегеля, Аполлон Александрович пишет: «Логическое бытие законов несомненно, мировая работа по этим отвлечённым законам идёт совершенно правильно, да идет-то она так в чисто логическом мире, в котором нет неисчерпаемого творчества жизни». Он защищает «взгляд на искусство как на *синтетическое*, цельное, непосредственное, пожалуй, интуитивное разумение жизни в отличие от *знания*, т.е. разумения аналитического, почастного, собирательного, поверяемого данными» (Там же. С. 131).

3. «Органический взгляд» Аполлона Григорьева

По оценке Ф.М. Достоевского, А.А. Григорьев, «правдивый, высоко честный писатель», был по своей натуре и убеждениям «почвенным, кряжистым, наиболее русским человеком». Чрезвычайно важным он считал связь, слитость с «почвой», «ясное уразумение» законов народного организма. Обращение образованного класса к «почве» он понимал как «смирение перед ней»: «Не учить жизнь жить по-нашему, а учиться у жизни на её органических явлениях должны мы, мыслители, что именно в конце концов и составляет основной принцип органического взгляда», - так А.А. Григорьев в 1864 году завершает одно из писем Ф.М. Достоевскому (Григорьев, 2008. С. 170).

Фёдор Михайлович Достоевский
(1821-1881)

Суть своего «органического взгляда» на «творчество жизни» А. Григорьев в 1864 году в журнале «Эпоха» излагает следующим образом: «В том-то и существеннейшая разница того взгляда, который я называю органическим, от односторонне-исторического взгляда, что первый, т.е. органический взгляд признаёт за свою исходную точку творческие, непосредственные, природные, жизненные силы; иными словами: не один ум с его логическими требованиями и порождаемыми необходимо этими требованиями теориями, а ум и логические его требования плюс жизнь и её органические проявления» (Григорьев, 2008. С. 161).

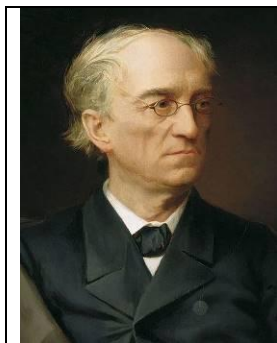
«Трансцендентальная закваска», сохранившаяся от увлечения А. Григорьева романтизмом, проявляется в его взгляде на творчество как на результат работы сил совершенно жизненных, которые

несравненно шире захватом, чем какое бы то ни было сознание: «Сознание может разъяснять только прошедшее: творчество кидает свои, так сказать, ясновидящие взгляды в будущее, часто весьма далёкое, забрасывает такие очерки, которые только последующее развитие наполняет красками» (с.161). Формы (теории), возникшие в быстро текущей жизни в результате проявлений «голого ума», «оказываются несостоятельными чуть что не в самую минуту своего рождения, потому что ведь они сами в сущности суть не что иное, как результаты сознанный, т.е. прошедшей жизни» (с. 161-162), и в этой связи А. Григорьев цитирует Ф.И. Тютчева:

«Мысль изреченная есть ложь...».

По поводу «жаркого спора» между славянофильством и западничеством о том, должна ли существовать народность в творчестве и в знании, А. Григорьев (2008) утверждает, что «собираетелного лица, называемого человечеством, как лица не существует, а существуют народности, расы, семьи, типы, индивидуумы с особенными отливами, что типическая жизнь этих отливов необыкновенно крепка, что они не стираемы». С ним созвучен Юрий Фёдорович Самарин (1819-1876): «Всякий народ представляет собою не безобразный материал, из которого можно вылепить любую фигуру: козла, вола или Геркулеса, а нравственно-живое существо, так же своеобразно определённое, как и отдельная человеческая личность» (Самарин, 1997. С. 59).

Сольются ли оттенки жизни народностей в человечестве, появятся ли *род* вместо *видов* – это равнозначно мечте Шарля Фурье о временах, когда Луна соединится с Землей. Тем самым, Аполлон Александрович признаёт индивидуальное развитие типов, а не их слияние в «неопределённом общем»: «Когда Луна соединится с Землей и когда

Фёдор Иванович Тютчев (1803-1873)

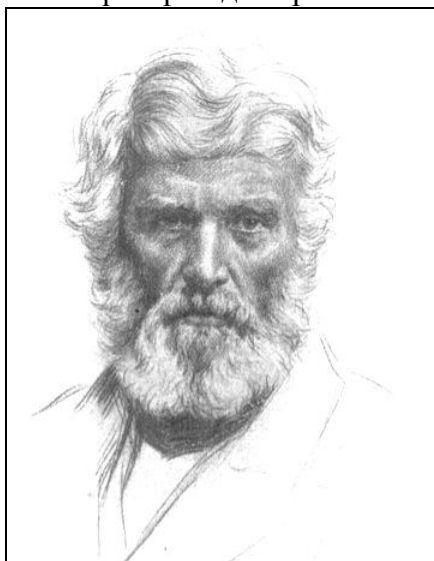
Юрий Фёдорович Самарин
(1819-1876)

типы сольются в роде, - ни знанью, ни творчеству, ни индивидуальной жизни нечего будет делать. Бытие и того, и другого, и третьей обусловлено бытием типического, бытием оттенков в мироздании. ...Когда Луна соединится с Землей, эти отливы красок мироздания исчезнут, но зато артистическим натурам придётся тогда довольно часто вешаться с безысходной хандры на ветках тех груш, разумным возделыванием которых будут заниматься фаланги благоустроенного человечества!» (с. 141, 147).

4. «Органическая критика» Аполлона Григорьева

«У направления мышления, которое я называю “органической критикой”, - писал А. Григорьев в 1864 году в «Письмах Ф.М. Достоевскому», - мало книг, которые оно по всем правам могло бы назвать своими». И называет двух авторов: Томаса Карлейля («Герои и героическое в истории»), у которого он ценил «рассуждения о таинственности человеческой души, целостности вечной и неизменной жизни, приоритете нравственных проблем над социальными, о художнике как вдохновенном ясновидце, открывающем покровы тайны», и А.С. Хомякова, «в котором одном из славянофилов жажда идеала совмещалась удивительнейшим образом с верою в безграничность жизни, ...у которого органические приёмы суть нечто до того врождённое, что о чём бы ни заговорил..., он свяжет предмет с глубочайшими задачами жизни и выведет его из самой глубины природы и истории, потому что изо всего славянофильства он один был настоящий, урождённый поэт, провидец...» (Григорьев, 2008. С. 182-183).

Рассуждая о критериях, по которым можно оценивать соотношение живых голосов жизни и искусства, А. Григорьев в статье, опубликованной в 1858 году в журнале «Библиотека для чтения», показывает, как правильный приём: «видеть в искусстве отражение жизни» - может обратиться в «приём совершенно неправильный: видеть в искусстве рабское служение жизни», что равносильно попыткам слепца вести зрячего. «Искусство... всегда захватывает жизнь шире той минуты, на которой произвольно останавливается критика» (Григорьев, 2008. С. 129), и совершенно неправомерно искать критерий для критики или в явлениях жизни, или в явлениях искусства.

Томас Карлейль
(1795-1881)

«Но дело-то в том, что как *искусство*, так и *критика искусства* подчиняются одному критериуму. Одно есть отражение идеального, другая – разъяснение отражения. ...Между искусством и критикой есть органическое родство в сознании идеального, и критика поэтому не может и не должна быть слепо-исторической, а должна быть, или по крайней мере стремиться быть, столь же *органической*, как само искусство, осмысливая анализом те же органические начала жизни, которым синтетически сообщает плоть и кровь искусство» (Там же. С. 129).

«Велико значение художества, - пишет в упомянутой статье А. Григорьев. – Оно одно, не устану повторять я, вносит в мир новое, органическое, нужное жизни. ...Некая молния освещает художнику его душевный мир и его отношения к жизни, и начинается творчество. Оно и начинается, и совершается в состоянии действительно близком к ясновидению, но и в это состояние художник вносит все Богом данные ему средства: и свой общий тип, и свою местность, и свою эпоху, и свою личную жизнь; одним словом, и тут он творит не один, и творчество его не есть только личное, хотя, с другой стороны, и не безличное, не без участия его души совершающееся. Поэтому-то и художество есть дело общее, жизненное, народное, даже местное» (с. 98-99).

И далее поясняет: «Слово *местность* принято мною не в смысле материальной природы, но в смысле территории, с которою сжилось известное племя, известная раса» (с. 142). Для автора непреходящее значение имеет «голос известной почвы, местности, имеющей право на своё гражданство, на свой отзыв и голос в общенародной жизни, как тип, как цвет, как отлив, оттенок» (с.146).

Александр Сергеевич Пушкин
(1799-1837)

Алексей Степанович Хомяков
(1804-1860)

Он утверждает, что «искусство всем истинным художникам... открывалось в виде великой вверенной им мировой силы, в виде высшего служения на пользу души человеческой, на пользу жизни общественной» (с. 19). В этом контексте идеалом для А. Григорьева был Александр Пушкин, смотревший на литературу как на общественное служение и поэтому имевший полное право сказать о себе (цит. по первой публикации «Памятника»):

«И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен
И милость к падшим призывал».

Аполлон Александрович свой взгляд развивает далее так: «Художник увековечивает только жизненно законные типы, ибо на нём лежит обязанность правды и правдивого отношения к явлениям... Правда есть свет, озаряющий жизнь, отделяющий в ней случайное от существенного, преходящее и временное от неперемennого и вечного. Художник как вноситель света и правды является, таким образом, высшим представителем нравственных понятий окружающей его жизни... Пример самый разительный имеем мы в нашем Пушкине, которого истинно художническая и, следовательно, в высшей степени правдивая и зрячая натура, всё более и более свергая с себя кору чуждых наростов, отряхая прах наносных влияний, стала возвышаться наконец до коренных народных созерцаний, даже до созерцаний религиозных, составляющих высшую поверку жизненных и народных стихий, входящих в понятие о нравственности» (Григорьев, 2008. С. 25).

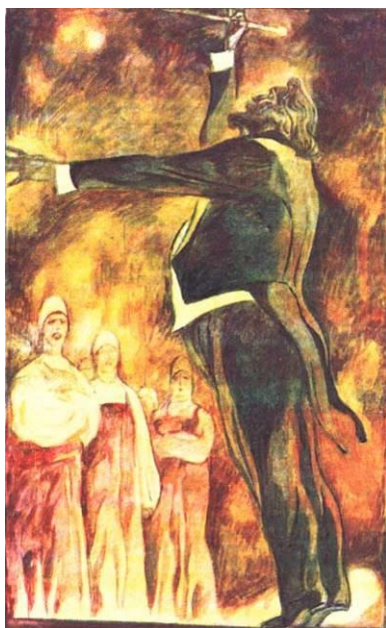
И далее: «Пушкин был выражением современного ему мира, представителем современного ему человечества, - *но мира русского, но человечества русского*. ...Пушкин – наше всё: Пушкин – представитель всего нашего *душевного, особенного*, такого, что остаётся нашим *душевым, особенным* после всех столкновений с чужим, с другими мирами. *Пушкин* – пока единственный полный очерк нашей народной личности, самородок, принимавший в себя, при всевозможных столкновениях с другими особенностями и организмами, всё то, что принять следует, отбрасывавший всё, что отбросить следует, полный и цельный, но ещё не красками, а только контурами набросанный образ народной нашей сущности, образ, который мы долго ещё будем оттенять красками» (Там же. С. 190, 194).

В контексте «органической критики» А. Григорьев видит большое различие между двумя принципами: первый – это принцип конечного развития идеи с постоянно повторяющимся отрицанием всех предшествовавших моментов, а второй – это принцип развития идеи в известных, типических циклах, связанных между собой преемственным единством и имеющих свое типовое бытие. Если следовать первому принципу, то «Гомера не стоит и не следует читать после Шекспира, Шекспира же после, положим, Гюго, Гюго после Помяловского и т.д.» (с. 165). И комментарий А. Григорьева: «Мышление, наука, искусство, национальности, история – вовсе не ступени какого-то прогресса, вовсе не шелуха, отмечаемая человеческим духом тотчас же по достижении каких-либо положительных результатов, а вечная, органическая работа вечных же сил, присущих ему, как организму» (Заметим, что сказанное не противоречит высказанному выше тезису о несостоятельности теорий вскоре после их рождения, поскольку там речь шла о результатах работы «голого ума», а не об «органической работе вечных сил»).

Суть второго принципа А. Григорьев поясняет на феномене народной песни: «Сколько самых разнообразных по текстам и по мотивам своим песен хранится, так сказать, в памяти всякого поющего простого человека?... Одна песня наводит на другую, одно слово в песне на третью и т.д.; мотивы, по-видимому, совершенно различные льются, не сливаясь один с другим, отдельные и вместе связанные между собою общою растительною жизнью. Дело в том, что почва тут совершенно девственна, не тронута, не засеяна ничем таким, что мешало бы естественному произрастанию органического продукта» (с. 138). И далее: «Отнимать у песни её тонкие особенности – совершенно всё равно, что обрезать растение по струнке, налагая на него общую, казённую мерку. ...Песня – не только растение: песня – сама почва, на которую ложится слой за слоем; снимая слои и посредством сличения вариантов можно иногда добраться до первого слоя» (с. 138-139).

Суть единства этих «песенных слоёв» и значение изначальных их корней показаны Юрием Нагибиным (1988) в эпизоде концерта, который давал руководитель народного хора князь Юрий Голицын петербургской знати. Позволю себе привести этот эпизод.

«Голицын взмахнул жезлом, зажатым в правой руке, выбросил вперед левую руку, сразу приглушив звук, оставив одну высокую, медленно истаивающую ноту, а затем дал вступить вторым голосам, призвав из бесконечной дали, выманив, заманив, но не в плен, а в полную свободу.

**«Голицын взмахнул жезлом...»
Худ. В. Юдин (Нагибин, 1986)**

И полилась старинная русская песня, и Голицын почувствовал задрожавшим сердцем, что будет богово, хористы дадут сегодня все, на что только способны. Хор понимал его состояние и нашел в себе самом ту подъемную силу, которой у него не оказалось в отягощенности земным. И хор повел его за собой, поднял, оторвал от земли, от всего мелкого, житейского, и Голицын, чувствуя в лопатках блаженный холодок, занял положенное вожаку место впереди стаи.

Это было лучшее за всю его жизнь исполнение, и он наслаждался. Вот к чему он стремился и наконец обрел. Не стало препятствий, его одухотворенность, его умиление выражали себя напрямую, с хрустальной чистотой, доступной лишь музыке сфер. Господи боже мой, да

разве это Ваньки, Яшки, Петьки, Палашки, Дуньки — это небожители, одарившие его высшим счастьем!..

Какое ему дело до того, что принимают сдержанно, что аплодисменты, едва плеснув, сразу замолкают. Чего ждать-то от собравшихся? Их равнодушие искренно. Они привыкли выполнять обряды, но нет в них теплой веры, и что им божественные взвои взыскующих гóспода? И что им плачи, тоска, любовь, вся душевная звень народа, которого они не знают да и знать не хотят? Иностранцы в родной стране, они любят французские пасторали, итальянскую легкую мелодичность, испанские страсти, а немецкую тяжеловесную мифологию уважают за непонятность и скуку.

...Когда взмахом жезла он оборвал последнюю ноту, которой, казалось, конца не будет, то услышал тишину за плечами — странную, оцепенелую тишину. Как будто люди вдруг почувствовали себя оскорбленными. Чем?.. Князь недоуменно дернул плечом, впервые он был растерян.

— Bravo, — негромко, но удивительно отчетливо сказал, именно сказал, не выкрикнул чей-то голос.

— Bravo, — сказал другой.

— Би-и-ис!.. — заорали надсадно где-то в задних рядах.

И вот уже весь зал кричал, захлебывался, отбивал ладони. Несколько сбитый с толка, Голицын взмахнул жезлом. Мгновенно воцарилась тишина, и хор взорвался первым хмельным «Э-э-эх!..».

...Когда он опустил руки, у него отламывалось правое плечо. На этот раз шквал ворвался в еще не заглушную ноту. В зале уже не было дам и господ, князей и княгинь, камергеров, генералов, фрейлин, — были русские люди, потомки древлян, полян, вятичей, кривичей, благодарные, что им напомнили, кто они. Господи, а ведь свершилось!.. Он растопил их лед...» (Нагибин, 1988. С. 57-58).

Второй пример адресован книге афонского инока Парфения (1855), талантливой и «совершенно народной»: «Вышедший из раскола, - стало быть, несмотря на выход, - сохранивший то, что в расколе нашем дорого, что заставляет нас подчас ценить его может быть дороже, чем он на самом деле стоит, - его, так сказать, растительную, коренную связь с бытовыми старыми началами, - инок Парфений как будто сохранил что-то от живой, энергической речи протопопа Аввакума. ...Эта огромный успех имевшая книга служила нагляднейшим фактом неразрывности органической народной жизни от XII столетия до половины XIX, цельности, неприкосновенности духовных начал именно потому, что сама она была нечто не деланное, а растительное, как легенда, гимн, песня» (с. 168-169). «Деланное» в представлениях А. Григорьева — это антитеза «рождённому»: «Создания искусства столь же живы и самобытны, как явления самой жизни, так же рождаются, а не делаются, как рождается, а не делается всё живое» (с. 22).

5. Критика А. Григорьевым принципа «исторического воззрения»

Упомянутый выше «принцип конечного развития идеи с постоянно повторяющимся отрицанием всех предшествовавших моментов» как порочный, А. Григорьев в 1858 году развивает в понятии «так называемого исторического воззрения»: «На дне этого воззрения, в какие бы формы оно ни облекалось, лежит совершенное равнодушие, совершенное безразличие нравственных понятий. Таковое сопряжено необходимо с мыслию о безграничном развитии, развитии безначальном, ибо историческое воззрение всякое начало от себя скрывает. ...И так как человеческой натуре, при стремлении её к идеалу, врождено неременное же стремление воображать себе идеал в каких либо видимых формах, то мысль невольно становится тут нелогичною, невольно останавливает безгранично несущееся будущее на какой-либо минуте. ...Вот тут-то ...человек,

провозгласивший закон вечного развития, останавливает всё развитие на германском племени, яко на крайнем его пределе» (Григорьев, 2008. С. 102-103).

Здесь имеется в виду Гегель, который в «Энциклопедии философских наук» требовал «вечного развития всего органического», а в «Философии природы» и «Лекциях по философии истории» доказывал, что «история заканчивается на развитии Германского мира», фактически он «остановил культурно-историческое развитие на германском мире» (цит. по: Белов, 2008. С. 623, 680). Полагая, вслед за А.А. Григорьевым, что каждый народ олицетворяет особую национальную стихию, один из «младших» славянофилов Ю.Ф. Самарин отмечает, что германское племя воплощает собой «всю глубину, силу, всё могущество, всю гордость, всё благо и всё зло исключительной личности» (Самарин, 1877. С. 152). Если Шеллинг требовал для своего народа только «всемирного гражданства», то Гегель – «всемирного главенства» (Платонов, 1917. С. 19).

Возможно, именно поэтому Германия стала родиной фашизма в его крайнем и наиболее последовательном проявлении, именно здесь надо искать истоки взглядов «классиков» Маркса и Энгельса на славян как неполноценную расу, именно здесь истоки так называемого «норманнизма», адепты которого считали, что два тысячелетия назад славяне в диком состоянии сидели на деревьях и ждали своего крещения. Возможно, именно здесь истоки «папства» в католицизме, которое не признает за православием статуса религии, видя в нём (как сообщает доктор богословия А.И. Осипов) лишь «набор восточных догм».

И Аполлон Александрович продолжает: «Гут-то и начинается деспотизм теории, доходящий до того, что всё прошедшее человечество, не жившее по теоретическому началу, провозглашается чуть-чуть что не в зверином состоянии... Душа человека, всегда единая, всегда одинаково стремящаяся к единому идеалу правды, красоты и любви, как будто забывается. Отвлеченный дух человечества с постепенно расширяющимся сознанием поглощает её в себя. ...Ему, этому духу, отправляются требы идольские, приносятся жертвы неслыханные, жертвы незаконные, ибо он есть всегда кумир, поставляемый произвольно» (с. 103).

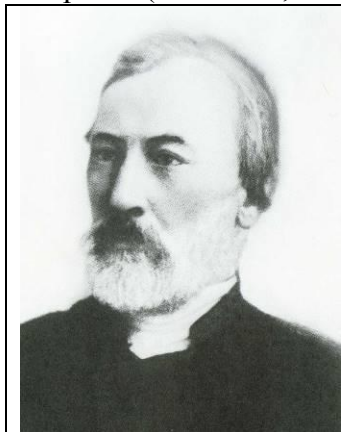
И далее: «Когда идеал лежит в душе человеческой, тогда он не требует никакой ломки фактов: он ко всем равно приложим и всё равно судит. Но когда идеал поставлен произвольно, тогда он гнёт факты под свой уровень. Сегодняшнему кумиру приносится в жертву всё вчерашнее, тем более всё третьегодневное; ...в силу чего Гоголю становится монумент на обломках статуи Пушкина, в силу чего завтра столкнут Гоголя..., в силу чего всякая статья бывалых годов начиналась с постоянного уничтожения всей литературы в пользу одного кумирчика. Всё это было и есть не что иное, как последовательно проведённое историческое воззрение в крайнем и наиболее последовательном проявлении его, в гегелизме» (Григорьев, 2008. С. 104).

Не предполагал, по-видимому, Аполлон Александрович, что это «порочное воззрение» через какие-то 60 лет будет практически реализовано в его Отечестве на государственном уровне, правда, в качестве «кумирчика» на пьедестал будет воздвигнут далеко не Гегель.

В завершение своего критического анализа концепции «исторического воззрения» А. Григорьев резюмирует: «В сущности исторического воззрения лежит совершеннейшее безразличие нравственное, соединённое с фатализмом, по которому ничто, ни народы, ни лица не имеют своего *замкнутого, самоответственного* бытия и являются только орудиями отвлечённой идеи, преходящими, призрачными формами» (с. 105).

Но ведь это именно и составляет суть так называемого либерализма, о котором К.Н. Леонтьев в газете «Варшавский дневник» в 1880 году в статье «Чем и как либерализм наш вреден?» писал как о механизме разрушения христианской культуры: «В

1830-40 годах только консерваторы пользовались уважением. ...Либералы в то время казались или слишком опасными, или смешными. ...Так их много и так мало нужно ума, познаний, таланта и энергии, чтобы стать в наше время либералом! ...Либерализм, как идея по преимуществу отрицательная, очень растяжим и широк. ...Их невозможно подвести под одну категорию, как можно, например, подвести под таковую нигилистов или коммунаров. У последних всё просто, всё ясно, всё исполнено особого рода претупной логики и свирепой последовательности. У либералов всё смутно, всё спутано, всё бледно, всего понемногу. ...Либерализм везде одинаково враждебен тем историческим началам, в дисциплине которых вырос тот или другой народ. ...Он везде один, везде одинаково отрицателен, везде одинаково разлагает нацию медленно и легально, но верно» (Леонтьев, 2010. С. 26, 174, 175).

Константин Николаевич
Леонтьев (1831-1891)

Наталья Алексеевна
Нарочницкая

Сегодня результаты этого разложения налицо. Н.А. Нарочницкая (2015) утверждает: «Европа как носитель христианской картины мира, сдается постмодернистам: проповедь ценностного нигилизма, стирание грани добра и зла, красоты и уродства, греха и добродетели. ...Сегодняшний европейский этап – это не просто победное шествие греха, а это уже новое качество, начало периода, когда грех претендует быть объявленным равным добродетели. Ведь грехи у человека

были, как известно, всегда, ещё в Ветхом Завете все сегодняшние перечислены. Но никогда еще грех не претендовал на то, чтобы быть объявленным равночестным добродетели» (с. 148, 287).

Противостояние «славянофилов» и «западников» ныне переключалось из XIX века в наш XXI-й. Только теперь в роли «западников» выступают наши «неолибералы» (Гозман, Кох, Касьянов, Ходорковский и др.), тесно сомкнувшиеся с «атлантистами» западного мира, часть которого, ведомая США, движется прямым ходом к фашизму. Профессор МГИМО В.Ю. Катасонов (2013 а,б) перечисляет основные признаки современного западного (американского) общества: сращивание государства и монополий, перераспределение национального богатства в пользу мировых ростовщиков и осуществление их насилия над основной массой населения путем прямого «нейролингвистического программирования» – и со ссылкой на американского общественного деятеля Л. Ларуша характеризует это общество термином «фашизм», который в гитлеровской Германии и Италии времен Муссолини полностью соответствовал выше перечисленным признакам. «Таким образом, - резюмирует В.Ю. Катасонов (2013 а), - американское общество – фашистское» (с. 25).

6. Заключение

Итак, Аполлон Григорьев отмежевывался в своё время как от западничества, так и от славянофильства. В отличие от западничества с его «ненавистью ко всему непосредственному, ко всему природному или, лучше сказать, прирожденному», отрицавшего наличие изначальной русской культуры, отрицавшего, во имя германо-романства, всю жизнь предков русичей и «отчислявшего их прямо к зверству», он был апологетом «почвенничества» - концепции, признающей право на самобытность не только русской цивилизации, но и любого этноса. В отличие от славянофильства, с его «квасным патриотизмом» (выражение В.Г. Белинского), он не соглашался с тем, что наша россий-

ская жизнь управляется совершенно новыми, таинственными законами, новыми нравственными понятиями; вот эти претензии на «новую нравственность» А.А. Григорьев отвергал. Впрочем, он не был «равноудалён» от того и другого течения, а идейно был всё же ближе к славянофильству и почитал таких его ярких представителей, как А.С. Хомяков, И.В. Киреевский и др.

Аполлон Григорьев отрицал понятие «абстрактного человечества». Для него это - «худо понятый гегелизм». В 1861 году в журнале «Время» он писал, что такого абстрактного человечества «в сущности нет, ибо есть организмы растущие, стареющие, перерождающиеся, но вечные: народы. Для того, чтобы оно было, - это абстрактное человечество, нужно непременно признать какой-либо условный идеал его. Этому идеалу жертвуется всем народным, местным, органическим. В конце концов, в результатах этого идеала стоит, конечно, то, о чём Гегелю и не снилось» (Григорьев, 2008. С. 547).

Вот почему актуален для нас сегодня Аполлон Григорьев, вот почему он со своими взглядами из середины XIX века становится как бы нашим современником. Западная цивилизация, цивилизация католического «папства» и протестантства с его культом «успеха» стала именно той цивилизацией, «которая Гегелю и не снилась». Так называемая «американская мечта» скатилась до провозглашения «исключительности американской нации», обречённой на мировое господство, что якобы даёт ей право бомбить и уничтожать любой этнос, не согласный с её представлением о «демократии».

Не дожидаясь, «когда Луна соединится с Землей», Запад принял концепцию «абстрактного человечества», переродившуюся в нынешней Европе в бредовую идею «мультикультурализма». Её практическая реализация привела к межнациональным конфликтам в Европе, а после насаждения «демократии» в странах Ближнего Востока и Северной Африки она подверглась «великому нашествию» их народов с ментальностью, чуждой старым европейским традициям, и пока что предвидится тут не «плавильный котёл» наций, а межнациональная резня. Американская «демократия» сегодня взрастила и вдохновила украинский национализм, озверело уничтожающий свой же народ, не желающий жить под нацистами, а Германия, после Второй мировой войны открестившаяся от собственного фашизма, сегодня подпитывает украинский.

Вот что еще в XIX веке писал о католико-протестантской Европе Ф.М. Достоевский: «Католичество воистину уже не христианство и переходит в идолопоклонство, а протестантизм исполинскими шагами переходит в атеизм и в зыбкое, текущее, изменчивое (а не вековечное) нравоучение. ...На Западе Христа потеряли (по вине католицизма), и оттого Запад падает, единственно оттого» (Достоевский, 1989). Эти слова Ф.М. Достоевского позднее прокомментирует сербский богослов Иустин (1894 - 1978): «Пророчество Достоевского о Европе постепенно исполняется на наших глазах. Европейское человечество, ведомое духом гуманистической, тщеславной “непогрешимости”, катится стремглав из тьмы во тьму, из ночи в ночь, пока не ввергнется в мрачную, вечную ночь, после которой не наступит заря. И в этой ночи человек не увидит своего бессмертного брата, ибо это возможно только в свете печального и чудесного Богочеловека Христа» (Преподобный Иустин, 2002. С. 210-211). В результате отхода католичества и протестантства от исходных христианских заповедей сегодня налицо падение нравственности на Западе, провозглашается принцип: «жить во имя удовольствий и материального комфорта», под лозунгами «прав человека» культивируется гомосексуализм и так называемая «ювенальная юстиция», в то время как и то, и другое, и третье отвергается нашим православием.

Да, как отмечал Виктор Гюго, «душа человеческая ещё больше нуждается в идеальном, чем в реальном» (Григорьев, 2008. С. 176). Но что случается, когда «меркнет идеал»? Аполлон Григорьев цитирует комментарий В. Гюго к сатирическому роману Франсуа Рабле (1494–1553) эпохи французского Ренессанса «Гаргантюа и Пантагрюэль»: «Оскотение совершилось. Это даже уж и не цинизм: пустота и скотство. Диоген

исчез; осталась только его бочка. ...Ничего больше: ни достоинства, ни стыда, ни чести, ни добродетели, ни ума; животное наслаждение напрямки, грязь наголо. ...Плотское потребление поглощает всё. ...Брюхо съело человека. Конечное состояние всех обществ, в которых померк идеал. ...Это приведение человека к ското-человеку – великое бедствие» (Григорьев, 2008. С.174-175). Не возвращается ли ныне западное «общество потребления» в условиях глобализации в дремучее средневековье?

Сегодня трудно что-либо возразить Аполлону Григорьеву с его верой в «органическую целость Руси»: «Когда мы говорим здесь о русской сущности, о русской душе, мы разумеем не сущность народную допетровскую и не сущность послепетровскую, а органическую целость: мы верим в Русь, какова она есть, какую она оказалась или оказывается после столкновений с другими жизнями, с другими народными организмами, после того, как она, воспринимая в себя различные элементы, - одни брала и берёт как родственные, другие отрицала и отрицает как чуждые и враждебные. ...В великой натуре Пушкина, ничего не исключаящей: ни тревожно-романтического начала, ни юмора здравого рассудка, ни страстности, ни северной рефлексии, - в натуре, на всё отозвавшейся, но отозвавшейся в меру русской души – заключается оправдание и примирение для всех наших теперешних, по-видимому, столь враждебно раздвоившихся сочувствий» (с. 194-195).

В 1861 году в статье «Народность и литература» А. Григорьев замечает: «Покойный Хомяков говорил часто, что Англия – лучшее из *существующих* государств, а славянство – лучшее из *возможных*, да вслед за тем со злою и грустною иронией прибавлял всегда, что, может быть, так оно и останется лучшим из *возможных*» (Григорьев, 2008. С. 449). На нынешнем этапе, на перепутье России эти слова А.С. Хомякова приобретают особую актуальность, поскольку сегодня всё ещё неясно, ждёт ли Россию возрождение или она так и останется «лучшею из возможных». Сможет ли Россия обрести в лидеры второго Столыпина или, на худой конец, русского Дэн Сяопина? А если сможет, то не будет ли слишком поздно?

Список использованной литературы

Аксаков К.С. Стихотворения / Поэты кружка Н.В. Станкевича: Н.В. Станкевич, В.И. Красов, К.С. Аксаков, И.П. Ключников. 2-е изд. М.-Л.: Советский писатель, 1964. 617 с. (Библиотека поэта. Большая серия).

Белов А.В. Комментарии // А.А. Григорьев. Апология почвенничества. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 610-683.

Григорьев А.А. Апология почвенничества. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 685 с. (Серия «Русская цивилизация»).

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Избранные страницы. М.: «Современник», 1989. 555 с.

Зеньковский В.В., прот. История русской философии. Париж, YMCA-PRESS, 1948. 469 с.

Зеньковский В.В., прот. Предисловие // А.А. Григорьев. Апология почвенничества. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 5-8.

Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. 219 с.

Катасонов В.Ю. Религия денег: Духовно-религиозные основы капитализма. М.: «Кислород», 2013а. 408 с.

Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации, 2013б. 1068 с.

Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 1228 с. (Серия «Русская цивилизация»).

- Нагибин Ю.М.* Музыканты: Повести. М.: Современник, 1986. 302 с.
- Нагибин Ю.М.* Сильнее всех иных велений (Князь Юрка Голицын): повесть. М.: 1988 (Роман-газета - № 17 (1095) (<http://lib.rus.ec/b/38725/read>)).
- Нарочницкая Н.А.* Сосредоточение России. Битва за русский мир. М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2015. 317 с. («Коллекция Изборского клуба»).
- Осипов А.И.* Монархия хороша, когда хорош монарх // Православная газета. 2014. № 14(767), апрель. С. 15 (http://issuu.com/orthodox-newspaper/docs/n14_767_).
- Парфений, инок.* Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника святыя горы Афонския инока Парфения. В 4 частях. М., 1855.
- Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории профессора С. Ф. Платонова. Изд. И. Блинов. 10-е издание. Петроград: Сенатская типография, 1917. 839 с.
- Преподобный Иустин (Попович).* Достоевский о Европе и славянстве. М.; СПб: Сретенский монастырь, 2002. 287 с.
- Пфаненитиль И.А.* Глобализация и Россия: угрозы и перспективы // Актуальные проблемы глобалистики и геополитики / Сб. научных трудов кафедры глобалистики и геополитики СФУ. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. С. 54-63.
- Самарин Ю.Ф.* Сочинения в 12 т. Т. 1. М.: Изд-во А.И. Мамонтова, 1877. С. 152.
- Самарин Ю.Ф.* Статьи. Воспоминания. Письма. М.: Терра, 1997. 280 с.

Рецензент статьи: доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Ботанического сада УрО РАН Е.В. Колтунов.